

18+

СТЕНА МЕЖДУ НАМИ

Алёна Зорина

Алёна Зорина

Стена между нами

<https://litres.ru/74401187>

ISBN 9785007109116

Аннотация

В старом доме, разделённом тонкой стеной на две половины, по вечерам раздаются голоса. Сначала они кажутся утешением — тихим, почти домашним шёпотом в конце тяжёлого дня. Но с каждой ночью шёпот становится ближе, теплее, слаще... и всё труднее понять, кто именно говорит — соседка, собственная усталость или что-то, что давно поселилось в щелях между брёвнами.

Содержание

I глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Стена между нами

Алёна Зорина

© Алёна Зорина, 2026

ISBN 978-5-0071-0911-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

І глава

К одиннадцати вечера улица уже выдохлась. За пустырьём, в панельных девятиэтажках, ещё горели окна — сотни одинаковых прямоугольников света, — но сюда, в частный сектор, этот свет не доставал. Здесь были заборы, шиферные крыши, разбитый асфальт без тротуара и редкие фонари, из которых работал через два третий. Тот, что у калитки, моргал через равные промежутки, будто задышался и всё никак не мог догореть до конца.

Марта шла от остановки маршрутки быстрым шагом, прижимая к себе пакет с контейнером из кулинарии. Пакет больно резал пальцы. Но сильнее резали сообщения от начальника, пришедшие уже после девяти.

Завтра к девяти нужен файл. Я надеюсь, ты не забыла про сверку. И, Марта, не пропадай по вечерам.

Она не ответила ни на одно.

Дорога от остановки занимала семь минут. Семь минут по тёмной улице, мимо глухих заборов и спящих домов, мимо собаки, которая лаяла через три двора каждый вечер ровно до полуночи. Панельки за спиной светились, как витрина, а впереди была только темнота и тишина частного сектора — островка старой застройки, зажатого между многоэтажками, которые выросли вокруг и забыли его снести.

Дом стоял в глубине участка, за покосившейся калиткой.

Бревенчатый, обшитый серым сайдингом, с шиферной крышей и двумя входами — левый Мартин, правый Верин. Когда-то это был один дом, потом его разделили капитальной стеной на две половины, сделали два крыльца, два отдельных входа. Общим остался двор, фундамент, трубы и чердак — некогда перегороженный фанерной стенкой, давно прогнившей насквозь.

Марта открыла калитку и прошла по двору.

Верина половина — справа — была тёмной. Окна занавешены изнутри чем-то плотным, бурым. Свет не горел. У крыльца стояли мисочки с засохшим кормом и бурой водой. Рядом — пакеты с мусором, оплывшие от дождей. Покосившийся сарай, бурьян по пояс вдоль забора. На подоконнике за грязной занавеской сидела кошка — неподвижная, как статуэтка, с круглыми жёлтыми глазами.

Марта ускорила шаг.

На весь квартал пахло Верой.

Никто из соседей не говорил «от того дома пахнет». Говорили — пахнет Верой, словно запах был не последствием, а её частью. Кошачий лоток, старый корм, влажная шерсть, гниющий мусор. Иногда к этому примешивалось что-то ещё, сладковатое, липкое, как если бы в глубине дома гнил букет давно увядших цветов.

Дети, проходя мимо забора, перебежали на другую сторону улицы. Почтальон клал квитанции в ящик на калитке, не заходя во двор. Года три назад кто-то вызвал санэпидемстан-

цию — те приехали, понюхали, сказали «кошки, ничего криминального» и уехали. С тех пор все махнули рукой.

Марта тоже привыкла.

Она снимала свою половину дёшево — потому что никто другой не хотел. Хозяин предупредил: «Соседка сложная, но не мешает». Марта согласилась, потому что денег не было, а тут — отдельный вход, тихо, до работы на маршрутке до метро. Больше часа в одну сторону, но зато — своё крыльцо, свой ключ, своя тишина.

Она поднялась на крыльцо, отперла дверь и вошла в тесную тёмную комнату. Не стала включать верхний свет — только маленькую лампу у кровати. Жёлтый круг лёг на покрывало, на стул с брошенным свитером, на чашку с засохшим чаем. Кровать стояла боком к смежной стене — до обоев можно было дотянуться рукой, не вставая.

За стеной было тихо.

Иногда оттуда доносилась возня — что-то мягкое и быстрое тёрлось о мебель. Иногда — кошачье мяуканье, сразу обрывающееся. Иногда — сухой кашель самой Веры, упрямый, старческий. Сверху, с чердака, где кошки свободно перемещались между половинами через прогнившую перегородку, доносилось шуршание и перестук лап по балкам. Но в последние дни Марта почти ничего не слышала, кроме редкого шороха в районе пола.

Она разулась, не снимая пальто, поставила пакет на стол. Есть не хотелось. Хотелось, чтобы от неё отстали. Телефон

завибрировал.

Марта перевернула его экраном вниз.

Умылась на кухне холодной водой. В зеркале — усталое лицо с красными глазами, волосы из хвоста, пересохшие губы. На секунду ей показалось, что она выглядит старше своей матери.

Вернулась в комнату. Открыла ноутбук, попыталась работать. Таблица, цифры, пометки красным. Буквы расплывались. Через десять минут закрыла крышку и легла поверх покрывала. Из щели у плинтуса, где гипсокартон неплотно прилегал к бревенчатой стене, тонко тянуло чем-то затхлым и сладковатым.

Телефон снова завибрировал.

Она схватила его. Ещё одно сообщение:

Если не справляешься, скажи сразу.

Марта смотрела на эти слова так долго, что они потеряли смысл. Потом положила телефон на колени и неожиданно, некрасиво, по-детски расплакалась. Без всхлипов сначала — просто слёзы пошли сами, горячие и злые. Грудь сводило, в горле стоял ком, и казалось, что если сейчас кто-нибудь постучит в дверь или просто спросит «ты чего», она рассыплется окончательно.

Она уткнулась лицом в ладони.

— Ну что я делаю не так... — сказала она в пустоту, хрипло, почти не слыша себя.

И тогда из-за стены, очень ясно, без кашля, без шороха

перед словами, раздался старческий голос:

— Девочка, не рви себе сердце. Всё пройдёт.

Марта замерла. Сердце ударило так сильно, что заглушило всё остальное.

Она уставилась на стену. Обычные светлые обои, трещинка у плинтуса. За ней — Верина половина. Кошатница, которую Марта видела всего пару раз мельком: сгорбленная фигура в выцветшем халате, с белыми волосами в слабом узле.

Может, телевизор. Может, радио. Может, показалось.

Голос повторил, чуть тише:

— Слезами начальство не проймёшь. Только подушка промокнет.

Усталое, почти домашнее сочувствие — с каким говорят с ребёнком, расшибшим коленку в сотый раз.

— Простите, — выдохнула Марта. — Я вас разбудила?

— В моём возрасте спят урывками.

Голос был старый, суховатый, но удивительно чистый. Старый дом, щели в перегородке, разошедшиеся брёвна — звук проходил легче, чем в панельной многоэтажке.

— Извините, — повторила она, вытирая лицо. — День был ужасный.

— У всех дни одинаковые. Сначала тянутся, потом сваливаются кучей. Выпей воды.

— У вас... у вас всё в порядке?

Шорох за стеной, будто что-то мягко задело мебель. Потом:

— Как у старых людей бывает. Ноги не слушаются, кошки слушаются ещё хуже. Но я жива, не переживай.

Последняя фраза могла бы показаться шуткой, если бы не была произнесена совсем ровно.

— Я Марта, — сказала она после паузы.

— Я знаю. Тебя по имени часто зовут. Телефон у тебя крикливый.

— А вас Вера Петровна зовут, да?

— Можно просто Вера.

Что-то тихо царапнуло с той стороны. Не внизу — выше, почти на уровне изголовья.

— У вас много кошек? — спросила Марта, лишь бы не молчать.

— Достаточно, чтобы никто не приходил.

Марта опустилась на пол у кровати, прижалась спиной к стене. Обои холодили плечо. От стены пахло сыростью, старым деревом и тем самым сладковатым привкусом. Но теперь к запаху примешивалось ощущение присутствия — спокойного, неподвижного. Как будто по ту сторону тоже кто-то сидел, прислонившись к брёвнам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.